

2	0118*	НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ	“Задетая струна”
---	-------	--------------------	------------------

“Задетая струна” (Коренблиг – Заболоцкий)

1. Вселенная	- 1.39
2. В чёрном теле	- 2.27
3. Бетховен	- 1.45
4. Природа	- 2.39
5. Скворец	- 2.24
6. Гроза	- 2.06
7. Дождь	- 1.02
8. Поздняя весна	- 1.28
9. Соловей	- 1.54
10. Спой мне, иволга	- 3.11
11. Девичий поцелуй	- 1.48
12. Звёзды, розы и квадраты	- 1.47
13. Вечерний бар	- 2.20
14. Герой	- 2.05
15. Белая ночь	- 3.33
16. Ненастье	- 1.36
17. Нарисуй	- 1.51
18. Приход зимы	- 1.39
19. Серебро зимы	- 2.22
20. Не нужно	- 1.25
21. Мотылек	- 1.39
22. Кузнечик	- 1.24
23. Где-то там	- 1.02
24. Старая сказка	- 1.32
25. Задетая струна	- 2.11

Общее время звучания - 48.49

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВСЕЛЕННАЯ

Во многом знании - немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?

Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам и зарницам
Едва ли вырывается одна.

Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли, на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.

Я разве только я? Я - только краткий миг

Чужих существований. Боже правый,
Зачем ты создал мир, и милый и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

2. В ЧЁРНОМ ТЕЛЕ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

А ты хватай ее за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

3. БЕТХОВЕН

В тот самый день, когда твои созвучья
Преодолели сложный мир труда,
Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча.
Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда.

И яростным охвачен вдохновеньем,
В оркестрах гроз и трепете громов,
Поднялся ты по облачным ступеням
И прикоснулся к музыке миров.

Дубравой труб и озером мелодий
Ты перевозмог нестройный ураган,
И крикнул ты в лицо самой природе,
Свой львиный лик просунув сквозь орган.

И пред лицом пространства мирового
Такою мысль вложил ты в этот крик,
Что слово с воплем вырвалось из слова
И стало музыкой, венчая львиный лик.

В рогах быка опять запела лира,
Пастушьей флейтой стала кость орла,
И понял ты живую прелесть мира
И отделил добро его от зла.

И сквозь покой пространства мирового
До самых звезд прошел девятый вал...
Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

4. ПРИРОДА

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.

Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чувствует стройных голосов.

Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке,
Когда сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,

Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,

Когда огромный мир противоречий
Насытится бесплодной игрой, -
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной.

И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.

И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.

Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

5. СКВОРЕЦ

Уступи мне, скворец, уголок,
Посели меня в старом скворешнике.
Отдаю тебе душу в залог
За твои голубые подснежники.

И свистит, и бормочет весна.
По колено затоплены тополи.
Пробуждаются клены от сна,
Чтоб, как бабочки, листья захлопали.

И такой на полях кавардак,
И такая ручьев окоlesiца,
Что попробуй, покинув чердак,
Слома голову в рощу не броситься!

Начинай серенаду, скворец!
Сквозь литавры и бубны истории
Ты - наш первый весенний певец
Из березовой консерватории.

Открывай представленье, свистун!
Запрокинься головкою розовой,
Разрывая сияние струн
В самом горле у рощи березовой.

Я и сам бы стараться горазд,
Да шепнула мне бабочка-странница:
"Кто бывает весною горласт,
Тот без голоса к лету останется".

А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.

Поселись на высоком шесте,
Полыхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.

Повернись к мирозданию лицом,
Голубые подснежники чувствуя,
С потерявшим сознание скворцом
По весенним полям путешествуя.

6. ГРОЗА

Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница,
Тень от тучи легла, и слилась, и смешалась с травой.
Все труднее дышать, в небе облачный вал шевелится,
Низко стелется птица, пролетев над моей головой.

Я люблю этот сумрак восторга, эту краткую ночь вдохновенья,
Человеческий шорох травы, вещей холод на темной руке,
Эту молнию мысли и медлительное появление
Первых дальних громов - первых слов на родном языке.

Так из темной воды появляется в мир светлоокая дева,
И стекает по телу, замирая в восторге, вода,
Травы падают в обморок, и направо бегут и налево
Увидавшие небо стада.

А она над водой, над просторами круга земного,
Удивленная, смотрит в дивном блеске своей наготы.
И, играя громами, в белом облаке катится слово,
И сияющий дождь на счастливые рвется цветы.

7. ДОЖДЬ

В тумане облачных развалин
Встречая утренний рассвет,
Он был почти нематериален
И в формы жизни не одет.

Зародыш, выкормленный тучей,
Он волновался, он кипел,
И вдруг, веселый и могучий,
Ударил в струны и запел.

И засияла вся дубрава
Молниеносным блеском слез,
И листья каждого сустава
Зашевелились у берез.

Натянут тысячами нитей
Меж хмурым небом и землей,
Ворвался он в поток событий,
Повиснув книзу головой.

Он падал издали, с наклоном
В седые скопища дубрав,
И вся земля могучим лоном
Его пила, затрепетав.

8. ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Осветив черепицы на крыше
И согрев древесину сосны,
Поднимается выше и выше

Запоздалое солнце весны.

В розовато-коричневом дыме
 Не покрытых листьями ветвей,
 Весь пронизан лучами косыми,
 Бьет крылом и поет соловей.

Как естественно здесь повторенье
 Лаконически-медленных фраз,
 Точно малое это творенье
 Их поет специально для нас!

О любимые сердцем обманы,
 Заблужденья младенческих лет!
 В день, когда зеленеют поляны,
 Мне от вас избавления нет.

Я, как древний Коперник, разрушил
 Пифагорово пенье светил
 И в основе его обнаружил
 Только лепет и музыку крыл.

9. СОЛОВЕЙ

Уже умолкала лесная капелла.
 Едва открывал свое горлышко чижик.
 В коронке листов соловьиное тело
 Одно, не смолкая, над миром звенело.

Чем больше я гнал вас, коварные страсти,
 Тем меньше я мог насмеяться над вами.
 В твоей ли, пичужка ничтожная, власти
 Безмолвствовать в этом сияющем храме?

Косые лучи, ударяя в поверхность
 Прохладных листов, улетали в пространство.
 Чем больше тебя я испытывал, верность,
 Тем меньше я верил в твое постоянство.

А ты, соловей, пригвожденный к искусству.
 В свою Клеопатру влюбленный Антоний,
 Как мог ты довериться, бешеный, чувству,
 Как мог ты увлечься любовной погоней?

Зачем, покидая вечерние рощи,
 Ты сердце мое разрываешь на части?
 Я болен тобою, а было бы проще
 Расстаться с тобою, уйти от напасти.

Уж так, видно, мир этот создан, чтоб звери,
 Родители первых пустынных симфоний,
 Твои восклицанья услышав в пещере,

Мычали и выли: "Антоний! Антоний!"

10. СПОЙ МНЕ, ИВОЛГА

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиной
Льются листья с высоких ветвей, -
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.

Пролетев над поляною
И людей увидав с высоты,
Избрала деревянную
Неприметную дудочку ты,
Чтобы в свежести утренней,
Посетив человеческое жилье,
Целомудренно бедной заутренней
Встретить утро мое.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрагаются атомы,
Белым вихрем взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница?
Что ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь.
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

За великими реками
Встанет солнце, и в утренней мгле
С опаленными веками
Припаду я, убитый, к земле.
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемет.
И тогда в моем сердце разорванном
Голос твой запоет.

11. ДЕВИЧИЙ ПОЦЕЛУЙ

Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,

Повеял на меня - и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.

Здесь море - дирижер, а резонатор - дали,
Концерт высоких волн здесь ясен наперед.
Здесь звук, задев скалу, скользит по вертикали,
И эхо средь камней танцует и поет.

Акустика вверху настроила ловушек,
Приблизила к ушам далекий ропот струй.
И стал здесь грохот бурь подобен грому пушек,
И, как цветок, расцвел девичий поцелуй.

Скопление синиц здесь свищет на рассвете,
Тяжелый виноград прозрачен здесь и ал.
Здесь время не спешит, здесь собирают дети
Чабрец, траву степей, у неподвижных скал.

12. ЗВЕЗДЫ, РОЗЫ И КВАДРАТЫ

Звезды, розы и квадраты,
Стрелы северного сиянья,
Тонки, круглы, полосаты,
Осеняли наши зданья.
Осеняли наши дома
Жезлы, кубки и колеса.
В чердаках визжали кошки,
Грохотали телескопы.
Но машина круглым глазом
В небе бегала напрасно:
Все квадраты улетали,
Исчезали жезлы, кубки.
Только маленькая птичка
Между солнцем и луною
В дырке облака сидела,
Во все горло песню пела:
"Вы не вейтесь, звезды, розы,
Улетайте, жезлы, кубки, -
Между солнцем и луною
Бродит утро за горами!"

13. ВЕЧЕРНИЙ БАР

В глуши бутылочного рая,
Где пальмы высохли давно,
Под электричеством играя,
В бокале плавало окно.
Оно, как золото, блестело,
Потом садилось, тяжелело,
Над ним пивной дымок вился...
Но это рассказать нельзя.

Звеня серебряной цепочкой,
 Спадает с лестницы народ,
 Трещит картонною сорочкой,
 С бутылкой водит хоровод.
 Сирена бледная за стойкой
 Гостей попотчует настойкой,
 Скосит глаза, уйдет, придет,
 Потом с гитарой на отлет
 Она поет, поет о милом,
 Как милого она любила,
 Как, ласков к телу и жесток,
 Впивался шелковый шнурок,
 Как по стаканам висла виски,
 Как, из разбитого виска
 Измученную грудь обрызгав,
 Он вдруг упал. Была тоска,
 И все, о чем она ни пела,
 Легло в бокал белее мела.

Мужчины тоже всё кричали,
 Они качались по столам,
 По потолкам они качали
 Бедлам с цветами пополам.
 Один рыдает, толстопузик,
 Другой кричит: "Я - Иисусик,
 Молитесь мне, я на кресте,
 В ладонях гвозди и везде!"
 К нему сирена подходила,
 И вот, тарелки оседлав,
 Бокалов бешеный конклав
 Зажегся, как паникадило.

Глаза упали, точно гири,
 Бокал разбили, вышла ночь,
 И жирные автомобили,
 Схватив под мышки Пикадилли,
 Легко откатывали прочь.
 А за окном в глуши времен
 Блистал на мачте лампион.

Там Невский в блеске и тоске,
 В ночи переменивший краски,
 От сказки был на волоске,
 Ветрами вея без опаски.
 И как бы яростью объятый,
 Через туман, тоску, бензин,
 Над башней рвался шар крылатый
 И имя "Зингер" возносил.

14. ГЕРОЙ

В ботинках кожи голубой,
 В носках блистательного франта,
 Парит по воздуху герой
 В дыму гавайского джаз-банда.
 Внизу - бокалов воркотня,
 Внизу - ни ночи нет, ни дня,
 Внизу - на выступе оркестра,
 Как жрец, качается маэстро.
 Он бьет рукой по животу,
 Он машет палкой в пустоту,
 И легких галстуков извилина
 На грудь картонную пришила.

Ура! Ура! Герой парит -
 Гавайский фокус над Невою!
 А бал ревет, а бал гремит,
 Качая бледною толпою.
 А бал гремит, единорог,
 И бабы выставили в пляске
 У перекрестка гладких ног
 Чижа на розовой подвязке.
 Смеется чиж - гляди, гляди!
 Но бабы дальше ускакали,
 И медным лесом впереди
 Гудит фокстрот на пьедестале.

И так играя, человек
 Родил в последнюю минуту
 Прекраснейшего из калек -
 Женоподобного Иуду.
 Не тронь его и не буди,
 Не пригодится он для дела -
 С цыплячьим знаком на груди
 Росток болезненного тела.
 А там, над бедною землей,
 Во славу винам и кларнетам
 Парит по воздуху герой,
 Стреляя в небо пистолетом.

15. БЕЛАЯ НОЧЬ

Гляди: не бал, не маскарад,
 Здесь ночи ходят невпопад,
 Здесь, от вина неузнаваем,
 Летает хохот попугаем.
 Здесь возле каменных излучин
 Бегут любовники толпой,
 Один горяч, другой измучен,
 А третий книзу головой.
 Любовь стенает под листьями,
 Она меняется местами,

То подойдет, то отойдет...
А музы любят круглый год.

Качалась Невка у перил,
Вдруг барабан заговорил -
Ракеты, выстроившись кругом,
Вставали в очередь. Потом
Они летели друг за другом,
Вертя бенгальским животом.

Качали кольцами деревья,
Спадали с факелов отрепья
Густого дыма. А на Невке
Не то сирены, не то девки,
Но нет, сирены, - на заре,
Все в синеватом серебре,
Холодноватые, но звали
Прижаться к палевым губам
И неподвижным, как медали.
Обман с мечтами пополам!

Я шел сквозь рощу. Ночь легла
Вдоль по траве, как мел бела.
Торчком кусты над нею встали
В ножнах из разноцветной стали,
И тосковали соловьи
Верхом на веточке. Казалось,
Они испытывали жалость,
Как неспособные к любви.

А там вдали, где желтый бакен
Подкарауливал шутих,
На корточках привстал Елагин,
Ополоснулся и затих:
Он в этот раз накрыл двоих.

Вертя винтом, бежал моторчик
С музыкой томной по бортам.
К нему навстречу, рожи скорчив,
Несутся лодки тут и там.
Он их толкнет - они бежать.
Бегут, бегут, потом опять
Идут, задорные, навстречу.
Он им кричит: "Я искалечу!"
Они уверены, что нет...

И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздымает дыбом волоса...

И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса.

16. НЕНАСТЬЕ

Словно что-то ожидая
И о чем-то сожалея,
За окном шумит пустая
Полутемная аллея.
Каждый вечер у забора
Голосят и гнутся ивы.
Или осень вправду скоро?
Иль деревья несчастливы?
Нет, до осени далеко,
Не навек ненастье это.
Ведь куда ни кинешь око,
Всюду праздник, всюду лето,
Всюду гонит ввысь природа
Многоцветные наряды,
И несет ей непогода
Море влаги и прохлады.
Слава вам, седые тучи,
И тебе, мое ненастье!
Ожиданье счастья лучше,
Чем потерянное счастье.

17. НАРИСУЙ

Сыплет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.

Но взгляни: сквозь отверстие облака,
Как сквозь арку из каменных плит,
В это царство тумана и морока
Первый луч, пробиваясь, летит.

Значит, даль не навек занавешена
Облаками, и значит, не зря,
Словно девушка, вспыхнув, орешина
Засияла в конце сентября.

Вот теперь, живописец, выхватывай
Кисть за кистью, и на полотне
Золотой, как огонь, и гранатовой
Нарисуй эту девушку мне.

Нарисуй, словно деревце, зыбкую
Молодую царевну в венце

С беспокойно скользящей улыбкою
На заплаканном юном лице.

18. ПРИХОД ЗИМЫ

При первом наступлении зимы,
Блуждая над просторною Невоею,
Сиянье лета сравниваем мы
С разбросанной по берегу листвою.

Но я любитель старых тополей,
Которые до первой зимней вьюги
Пытаются не сбрасывать с ветвей
Своей сухой заржавленной кольчуги.

Как между нами сходство описать?
И я, подобно тополи, не молод,
И мне бы нужно в панцире встречать
Приход зимы, ее смертельный холод.

19. СЕРЕБРО ЗИМЫ

Еще заря не встала над селом,
Еще лежат в саду десятки теней,
Еще блистает лунным серебром
Замерзший мир деревьев и растений.

Какая ранняя и звонкая зима!
Еще вчера был день прозрачно-синий,
Но за ночь ветер вдруг сошел с ума,
И выпал снег, и лег на листья иней.

И я смотрю, задумавшись, в окно.
Над крышами соседнего квартала,
Прозрачным пламенем своим окружено,
Восходит солнце медленно и вяло.

Седых берез волшебные ряды
Метут снега безжизненной куделью.
В кристалл холодный убраны сады,
Внезапно занесенные метелью.

Мой старый пес стоит, насторожась,
А снег уже блистает перламутром,
И все яснее чувствуется связь
Души моей с холодным этим утром.

Так на заре просторных зимних дней
Под сенью замерзающих растений
Нам предстают свободней и полней
Живые силы наших вдохновений.

20. НЕ НУЖНО

Как открывается заржавевшая дверь,
 С трудом, с усилием, - забыв о том, что было,
 Она, моя нежданная, теперь
 Свое лицо навстречу мне открыла.
 И хлынул свет - не свет, но целый сноп
 Живых лучей, - не сноп, но целый ворох
 Весны и радости, и вечный мизантроп,
 Смешался я... И в наших разговорах,
 В улыбках, в восклицаньях, - впрочем, нет,
 Не в них совсем, но где-то там, за ними,
 Теперь горел неугасимый свет,
 Овладевая мыслями моими.
 Открыв окно, мы посмотрели в сад,
 И мотыльки бесчисленные сдуру,
 Как многоцветный легкий водопад,
 К блестящему помчались абажуру.
 Один из них уселся на плечо,
 Он был прозрачен, трепетен и розов.
 Моих вопросов не было еще,
 Да и не нужно было их - вопросов.

21. МОТЫЛЁК

Разве ты объяснишь мне - откуда
 Эти странные образы дум?
 Отвлеки мою волю от чуда,
 Обреки на бездействие ум.

Я боюсь, что наступит мгновенье,
 И, не зная дороги к словам,
 Мысль, возникшая в муках творенья,
 Разорвет мою грудь пополам.

Промышляя искусством на свете,
 Услаждая слепые умы,
 Словно малые глупые дети,
 Веселимся над пропастью мы.

Но лишь только черед наступает,
 Обожженные крылья влача,
 Мотылек у свечи умирает,
 Чтобы вечно пылала свеча!

22. КУЗНЕЧИК

Настанет день, и мой забвенный прах
 Вернется в лоно зарослей и речек.
 Заснет мой ум, но в квантовых мирах
 Откроет крылья маленький кузнечик.

Над ним, пересекая небосвод,
 Мельчайших звезд возникнут очертанья,

И он, расправив крылья, запоет
Свой первый гимн во славу мироздания.

Довольствуясь осколком бытия,
Он не поймет, что мир его чудесный
Построила живая мысль моя,
Мгновенно затвердевшая над бездной.

Кузнечик - дурень! Если б он узнал,
Что все его волшебные светила
Давным-давно подобием зеркал
Поэзия в пространствах отразила!

23. ГДЕ-ТО ТАМ

Когда вдали угаснет свет дневной
И в черной мгле, склоняющейся к хатам,
Все небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом, -

В который раз томит меня мечта,
Что где-то там, в другом углу вселенной,
Такой же сад, и та же темнота,
И те же звезды в красоте нетленной.

И может быть, какой-нибудь поэт
Стоит в саду и думает с тоскою,
Зачем его я на исходе лет
Своей мечтой туманной беспокою.

24. СТАРАЯ СКАЗКА

В этом мире, где наша особа
Выполняет неясную роль,
Мы с тобою состаримся оба,
Как состарился в сказке король.

Догорает, светясь терпеливо,
Наша жизнь в заповедном краю,
И встречаем мы здесь молчаливо
Неизбежную участь свою.

Но когда серебристые пряди
Над твоим засверкают виском,
Разорву пополам я тетради
И с последним расстанусь стихом.

Пусть душа, словно озеро, плещет
У порога подземных ворот
И багровые листья трепещут,
Не касаясь поверхности вод.

25. ЗАДЕТАЯ СТРУНА

Медленно земля поворотилась
В сторону, несвойственную ей,
Белым светом резко озарилась,
Выделила множество огней.

Звездные припали астрономы
К трубам из железа и стекла:
Источая молнии и громы,
Пламенем планета истекла.

И по всей вселенной полетело
Множество обугленных частиц,
И мое расплавленное тело
Пало, окровавленное, ниц.

И цветок в саду у марсианки
Вырос, полыхая, как костер,
И листок неведомой чеканки
Наподобье сердца распростер.

Мир подобен арфе многострунной:
Лишь струну заденешь - и тотчас
Кто-то сверху, радостный и юный,
Поглядит внимательно на нас.

Красный Марс очами дико светит,
Поредел железный круг планет.
Сердце сердцу вовремя ответит,
Лишь бы сердце верило в ответ.